

А. А. Овсянников

Идейно-теоретическое наследие соратников В. И. Ленина¹

Какова же суть концепций истории подготовки и проведения Октябрьской революции в изображении Троцкого? Ответ на этот вопрос напрямую связан с особенностями его методологии и методики изучения.

Ведущая посылка заключена в тезисе о неготовности большевиков к резкому повороту в феврале 1917 г. Основным аргументом для подобного вывода послужили разногласия в среде большевистского руководства, продолжавшиеся до принятия решений Апрельской конференции РСДРП (б). Тезис больно ударил по всей партийной верхушке, так как Ленин весной 1917 г. практически оказался в одиночестве.

Тут мы сразу сталкиваемся со специфическим методом анализа. В силу ли личного пиетета, в силу ли сложившихся обстоятельств, Троцкий был вынужден обособить Ленина от остальных большевистских лидеров не только в 1917 г., но и в предшествующий период. В более законченном виде такая формула внесена в «Историю русской революции». Она гласит: «Действительный ход Февральского переворота нарушил привычную схему большевизма». В «Уроках Октября» Троцкий постоянно пытался балансировать между соблазном дать реальную оценку прежнему курсу и опасностью обвинения в антиленинизме.

Для этого были основания. Позднее, в 1927 г. советский полпред во Франции А. А. Иоффе, покончивший жизнь самоубийством, написал Троцкому в предсмертном письме, что Ленин признавал политическую правоту последнего начиная с 1905 г. «Перед смертью не лгут», — подчеркивал Иоффе. Надо думать, что подобные разговоры шли и раньше, хотя и не с такой откровенностью². Их отражением в «Уроках Октября» стал неопределенно-личный вывод: «...кто продолжал в этих условиях держаться за формулу “демократической диктатуры”, тот на деле отказывался от власти и вел революцию в тупик»³. Троцкий сознательно переносит центр тяжести с Ленина — главного пропагандиста теории «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» на его старобольшевистских соратников весны 1917 г. — Каменева, Сталина и др.

Логика вывода не оставляла места апологии Ленина. В «Истории русской революции» Троцкий написал уже откровенно: «Формулы “демократической диктатуры” сам Ленин, правда, не сменял на иную, даже условно, даже гипотетически, до самого начала Февральской революции. Правильно ли это было? Мы думаем, что нет»⁴. Данное заключение соседствует с другим, не менее важным:

¹ Овсянников А. А. Идейно-теоретическое наследие соратников В. И. Ленина // Овсянников А. А. Идейно-теоретическое наследие лидеров большевизма. М. : Университетский гуманитарный лицей, 1997. С. 144—172.

Окончание. Начало см.: Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11. С. 264—278.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 341.

³ За Ленинизм. М.-Л. : Госиздат, 1925. С. 443.

⁴ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М. : Политиздат, 1990. С. 321.

только Ленин в условиях начавшейся революции мог перевооружить партию. Таким образом, Троцкий находит исторически обоснованный компромисс и для себя. Он сводился к фактам смены старого большевистского курса и рождению весной 1917 г. новой ленинской позиции.

Современники Троцкого из противоборствующего лагеря использовали «Уроки Октября» для доказательства троцкистской неискренности в отношении Ленина. На этом сюжете необходимо остановиться особо. Ленинская тема, как видно даже из вышеприведенных фактов, находилась у Троцкого в центре исторического анализа. К оценке деятельности Ленина он обращался с первых своих работ.

Однако перелом в отношении к лидеру большевиков произошел столь стремительно и был столь резок, что выглядел ненатуральным. От характеристики типа «профессиональный эксплуататор отсталости в рабочем движении» он перешел к панегирикам «величайшему человеку нашей революционной эпохи» (1918 г.)⁵. Ленин, в свою очередь, называл Троцкого в 1917—1923 гг. «лучшим большевиком», самым способным человеком в ЦК. Бывшие непримиримые враги реабилитировали друг друга. И все же острота прежних разногласий заставляла Троцкого-историка постоянно подчеркивать свою лояльность к Ленину. В подтверждение сошлемся на поздний документ, письмо к Ч. Маламуту (1939 г.), где Троцкий, в который раз, доказывает объективную вынужденность своего отсутствия на ленинских похоронах⁶. Это отсутствие, как известно, трактовалось противниками Троцкого доказательством неприязни последнего к Ленину.

Анализ деятельности Ленина получился у Троцкого как бы состоящим из двух частей. С одной стороны, он признает особое место лидера большевиков в революции, равно как и в партии. Более того, троцкистский взгляд отходит от ортодоксально-марксистского, выдвигая на передний план субъективный фактор: «Без большевистской партии Октябрьская революция не могла бы ни совершиться, ни закрепиться»⁷.

В целом в историческом изучении биографии Ленина у Троцкого можно найти значительно больше издержек, чем в биографиях других людей. Но одновременно он поставил в своих работах о Ленине ряд проблем и сформулировал подходы, оказавшие серьезное влияние на последующую историографию. Троцкий оказался первым среди советских историков и политиков, дерзнувших критически оценить многие факты ленинской биографии. Понятно, в его попытке крайне сильна оказалась субъективная посылка, продиктованная борьбой за власть. Тем не менее ценность анализа не утрачена по сей день.

⁵ Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты: Политические портреты. М. : Политиздат, 1991. С. 115.

⁶ TP, bMS Russ. 13.1 (8981). — Quoted by permission of the Houghton Library. (Весь материал цитируется с разрешения библиотеки Гарвардского университета (США). Далее — TP, bMS, 13.1...) (В целом анализ авторских поправок в рукописи этого письма наводит на некоторые размышления, например, вычеркивание слов о том, что Троцкий одновременно с другими ответственными чиновниками получил приказ («все они, как и я») немедленно выехать в Москву).

⁷ The Trotsky Papers (Exile Correspondence), bMS Russ.

В эмигрантской литературе почти общим местом стало обвинение Ленина и Троцкого в организации «красного» террора. Официальная советская версия всегда строилась на одностороннем переключении ответственности на контрреволюционные силы. Троцкий стал первым из партийной верхушки, поставившим официальную версию под сомнение. В книге «О Ленине» он писал о периоде «когда Ленин при каждом необходимом случае вколачивал мысль о неизбежности террора»⁸.

Обосновывая эту идею, Троцкий шел еще дальше, когда писал, что «за Октябрь, за переворот, за революцию, за красный террор, за гражданскую войну — за все это он (Ленин. — А.О.) несет ответственность перед рабочим классом и перед историей и будет ее нести во веки веков»⁹. Исторически, неизбежность насилия была для Троцкого непреложным законом. Психологически же он не мог не реагировать на обвинения в бессмысленной жестокости, сопутствовавшей революции. Косвенным подтверждением тому служат и его попытки замалчивания в книге «О Ленине» собственной роли в проведении «красного» террора, а позже, в 30-е годы, попытка снять обвинения в причастности к расстрелу царской семьи. В том же ряду стоит факт сознательного сокрытия ленинских документов о репрессиях, имевшихся в распоряжении Троцкого¹⁰.

В историческом осмыслении уроков Октября, тема «Ленин» выступает составной частью другой темы: «партия и ее лидеры». В исследовании истории партии у Троцкого своеобразно переплелись две традиции. Одна, шедшая от дооктябрьской социал-демократии, прежде всего ее меньшевистского крыла, признававшая ценность демократических традиций и институтов. Сказанное, естественно не значит безоглядного доверия Троцкого к меньшевистской историографии. Ее классика, Ю. О. Мартова, он отнюдь не переоценивал. В его записных книжках есть такие слова: «Ажурная хрупкая мысль Мартова останавливается в бессилии перед большими событиями. Ни в чем безнадежная ограниченность этого умницы не выражается так ярко, как в том, что в своей “Истории русской социал-демократии”, написанной уже в 1918 г., он совершенно не понял того, что произошло...»¹¹. Столь же критически относился Троцкий и к Церетели, Дану, Чхеидзе, другим бывшим соратникам из социал-демократического лагеря. Данный тезис вполне очевиден, когда знакомишься с его биографическими очерками о них, многочисленными наблюдениями в томах «Истории русской революции», переписке, документах¹².

Влияние демократической традиции проявилось в критическом подходе к истории большевистской партии, стремлении к взвешенным оценкам отдельных фактов, а особенно личностей оппонентов и врагов.

В этом смысле стиль Троцкого отличался и от российской традиции, приближался, как говорилось в одном из писем, к американской объективистской

⁸ Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты: политические портреты. С. 115.

⁹ Архив Троцкого. Т. 1. С. 135.

¹⁰ TP, bMS Russ. 13.1. (17211).

¹¹ Trotsky's Notebooks, 1933—1935. N. Y., 1986. P. 125.

¹² Троцкий Л. Д. Сочинения. М., 1926. Т. 8 : Политические силуэты.

манере¹³. В дискуссиях 20-х годов влияние демократической традиции и было объявлено специфической методологией троцкизма.

Другая традиция — идущее от большевиков особое отношение к партии, партийности. Сам Троцкий выразил суть подобного подхода в 1924 г. на XIII съезде РКП (б) в словах «партия в последнем счете всегда права»¹⁴. Можно спорить, сколь искренне звучало его заявление в свете разгоравшейся дискуссии, но применительно к изучению истории партии он использовал этот принцип не раз. Другой стороной такой методологии оказалось замалчивание либо игнорирование фактов, не укладывавшихся в детерминированную схему. В качестве примера приведу широко известный эпизод с германофильскими связями большевистских лидеров в годы Первой мировой войны. Вопрос широко дебатировался, начиная с 1917 г. Не остыли страсти и сегодня. Как же повел себя Троцкий-историк?

Для «Истории русской революции», других работ он не стал искать новых материалов, ограничившись общеизвестными фактами. Самым поразительным оказалось игнорирование наиболее серьезного и одновременно сенсационного свидетельства того времени — статьи Э. Бернштейна (1921 г.), в которой указывалась даже сумма немецкой помощи — свыше 50 миллионов марок золотом.

Вместо анализа Троцкий, в компании с остальными исследователями, как писал живший в эмиграции историк-публицист С. П. Мельгунов, предпочел развенчать «зауряд-прапорщика Ермоленко, с чьих показаний началось обвинение большевиков, фигуры явно опереточной, типичного провокатора»¹⁵. А то, что Троцкий владел разнообразной информацией, ему пришлось откровенно высказать в одном из писем в 1931 г. следующим образом: «...будучи ближайшим сотрудником Ленина в период подготовки Октябрьской революции, я не мог не знать, на какие средства и в чьих интересах ведется... подготовка (дела против большевиков. — А. О.)»¹⁶. То есть Троцкий намекал на какие-то секретные обстоятельства, стоящие за делом против большевиков, причем делал это не впервые.

Примерно тогда же он работал над главами «Истории русской революции»¹⁷, в которых рассказывал об эпизоде со спасением им в июльские дни 1917 г. лидера эсеров министра В. М. Чернова, против которого также существовали подозрения в использовании финансов Германии. Словом, от серьезного анализа фактической стороны проблемы Троцкий, вполне в традиции большевистской историографии, отгородился заявлениями типа: «В плоскости политической тайная связь большевиков с правительством Гогенцоллерна и штабом Людендорфа является... не менее фантастичной, чем участие нечистых духов в физических процессах»¹⁸. И уж, конечно, не мог помочь сугубо эмоциональный, далекий от науки метод критики, долгие годы процветавший в среде советских историков, который Троцкий выразил в запальчивой сентенции о мемуарах Керенского — он

¹³ ТР, бMSRuss. 13.1. (8154).

¹⁴ XIII съезд РКП (б). М., 1924. С. 167.

¹⁵ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940. С. 9—11.

¹⁶ ТР, бMS Russ. 13.1. (10010).

¹⁷ ТР, бMS Russ. 13.1. (8189).

¹⁸ ТР, бMS Russ. 13.1. (8189).

их «никогда не читал и не собирается читать»¹⁹. Справедливости ради отметим: Троцкий мемуары все-таки прочел, но первая реакция осталась показательным свидетельством.

Особенно сильно влияние партийной традиции ощущалось в тех случаях, когда Троцкий излагал страницы истории после своего восхождения на большевистский Олимп. Есть основания думать, что, будучи достаточно требовательным исследователем, он осознавал потенциальные слабости анализа тех событий, в первую очередь деятельности левой оппозиции. Главы автобиографии «Моя жизнь», статьи и книги 30-х годов менее насыщены фактурой, более схематичны, избилуют умолчаниями. Конечно, без оценок внутривнутрипартийных битв немислимо полнокровное изучение эпохи, но Троцкий тут скорее летописец, политический публицист, а не ученый-профессионал.

Для современной науки заметный интерес представляет анализ столь неоднозначной проблемы, которую можно условно назвать «Судьбы партийной традиции». Когда в ходе дискуссии о новом курсе (1923 г.) Троцкий поднял вопрос о партийных поколениях, он одновременно заложил первые камни в основание концепции истории партии как движения кризисного, внутренне противоречивого. Мысль о перерождении партийной традиции, звучавшая в начале 20-х годов святотатством, Троцкий сформулировал в постскриптуме письма «К партийным совещаниям» от 8 декабря 1923 г. «Новый курс», где писал: «Тенденция партийного аппарата думать и решать за партию ведет в своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов только на традиции»²⁰. В ряду «славных традиций большевизма», которые на историческом материале революций 1917 г. стал изучать Троцкий, оказалась версия «партии-монолита, партии, вылитой из одного куска (Зиновьев)»²¹.

В «Уроках Октября» среди центральных выводов самыми эпатазирующими стали размышления автора, которых мы уже коснулись ранее — о правом крыле большевистской партии. Отметим еще раз, что, как известно, к нему Троцкий отнес всю руководящую верхушку большевиков: Каменева, Сталина, Рыкова, Зиновьева, Ногина, Калинина и многих других, не названных поименно. Словом, всех, кто в 1917 г. играл первые роли в РСДРП (б). Описав так события весны 1917 г., Троцкий как будто вспомнил и одушевил частушку тех дней: «Что там Ленин не болтай, с ним согласна только Коллонтай». Новым для советской историографии оказался не сам рассказ об октябрьских разногласиях. О них не забыли, хотя вспоминали все реже²². Троцкий увидел в позиции лидеров систему взглядов — правый большевизм.

Сам термин не являлся изобретением Троцкого. Его употребляли противники большевиков, пользовался им и Ленин. Но партийные ортодоксы, даже теоретически, не посягали на априорную (для них, естественно) левую направленность своей организации. В конечном счете они мирились с существованием «левого

¹⁹ TP, bMS Russ. 13.1. (9508).

²⁰ Дискуссия 1923 года. Материалы и документы. М.-Л., 1927. С. 21.

²¹ За ленинизм. С. 132.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 417.

коммунизма» («детской болезнью» в понимании главного идеолога Ленина). Неприятие шло из иного источника.

Методология Троцкого довела анализ структуры «партийного единства» до еретического построения: правая фракция (крыло) в большевизме — такая же реальность, как и «левый коммунизм». Граница между левыми и правыми взглядами и действиями подвижна. Вчерашние «левые» — Каменев и его единомышленники — в одночасье превратились в «правых соглашателей» в 1917 г., на практике сливавшихся с меньшевиками, их воззрениями и тактикой. С исторической точки зрения, тезис казался спорным. Политически неприемлем. Отсюда преобладание политической аргументации, развернутой антитроцкистами под видом «научной» дискуссии.

В изложении хронологии дебатов, позиций сторон Троцкий предельно точен. Уже одно это делало его работу вредной для планов тройки — Зиновьева, Каменева, Сталина. «Уроками Октября» их автор доказывал родство двух крыльев российской социал-демократии — большевиков и меньшевиков. Более того, рассуждения Троцкого оставляли место для исторической альтернативы. Он выразил двойственность ситуации в следующей формуле: «Наступивший после Февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: либо как период закрепления, развития или завершения “демократической” революции, либо как период подготовки пролетарской революции»²³.

В троцкистской версии Октябрь не был неизбежно предопределен, но явился совокупностью сложной цепи обстоятельств. Причем субъективный фактор — выработку и реализацию стратегии и тактики партии большевиков — Троцкий выдвигал на передний план. Однако в таком случае неизбежно возникала проблема насильственного захвата власти. В этой связи в противовес эсеро-меньшевистской концепции узурпации власти большевиками диктаторским путем Троцкий подчеркнул интересное, хотя и спорное положение о тяготении Советов к диктаторской форме властвования.

Не менее интересен в «Уроках Октября» анализ двоевластия. У Троцкого имеется существенное отличие трактовки данного исторического феномена от ленинской, ставшей господствующей в советской историографии. В работе говорится о «полувласти» советов. То есть не о шатком равновесии между советами и правительством, а власти Временного правительства, на которое оказывалось полуоппозиционное давление со стороны советов. «Другими словами, — писал Троцкий, — демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднявшаяся до подлинной власти форма, — как тенденция, но не как факт»²⁴.

Данная посылка легла в основу троцкистского видения истории революций 1917 г. На нее до сих пор не обращали пристального внимания. Однако в ее координатной сетке многие вопросы поворачиваются в иную плоскость. Иначе выглядят проблемы борьбы за власть («Бороться за власть или нет? Брать ее или не брать?»), конкретной истории тактики большевиков, их союзников и противников.

²³ За Ленинизм. С. 440.

²⁴ За Ленинизм. С. 443.

В конструкции Троцкого ключевое значение приобретали советы. Здесь он был солидарен с Лениным: оба они рассматривали советы как инструмент власти. Отсюда — чисто внешнее умаление роли партии, в котором долгие годы обвиняли Троцкого. Действительно, логика его концепции Октября вела к выводу, что неудачи в апреле, июне и июле 1917 г. заключались в попытках большевиков обойти советы. В этом пункте своих рассуждений Троцкий признавал формальную правоту правых большевиков²⁵.

Но именно в данных вопросах автор «Уроков Октября» оказывался еще перед одной непростой задачей — оценить тактику левых и правых большевиков. Факты упрямо свидетельствовали об авантюризме Ленина и его последователей, толкавших партию на восстание весной — летом 1917 г. Троцкий никогда не писал о ленинском авантюризме. Он привел другое объяснение. По его мнению, подобные действия являлись сознательной разведкой, «прощупыванием своих и неприятельских сил»²⁶.

Таким образом, в исторической ретроспекции Троцкий отводил Ленину крайний левый фланг партии. Здесь мы опять сталкиваемся не со случайной оговоркой, а с системой взглядов Троцкого. В одной из записей он особо подчеркивал, что ошибки и колебания Ленина «всегда были влево», факт, особенно импонировавший Троцкому²⁷. В то же время в подобном подходе опять-таки прослеживается тенденция, как говорили в 20-е годы, старого троцкизма — занять позицию центра, встать между враждующими лагерями партии. Тем более что исторического материала, доказывавшего правую ориентацию Каменева и других, левую Ленина и его товарищей, оказалось предостаточно.

Мотивация позиций сторон в изложении Троцкого не получалась равноценной. Он указал в первую очередь на несамостоятельность и демагогическую ограниченность правых большевиков. Позднее, в «Истории русской революции», Троцкий дал групповой психологический портрет сторонников «правого большевизма», сопоставив двух лидеров правых — Каменева и Сталина. Он писал о традиционно правой каменевской линии, лишенной самостоятельности и инициативы. Иной тип — эмпирик Сталин, открытый «чужим влияниям не со стороны воли, а со стороны мысли». Итог наблюдениям Троцкий воплощает в характерную для него отточенную формулу об исторической роли лидеров правых в 1917 г.: «Так публицист без решимости и организатор без кругозора довели в марте свой большевизм до самой грани меньшевизма»²⁸.

Изменение тактики большевистской партии наступает, по Троцкому, в августе 1 сентября 1917 г. Теоретически, он связывал его с неудачами «левых» разведывательных экспериментов июля, корниловским выступлением, завоеванием большинства в столичных советах и, что немаловажно, с отклонением в сентябре 1917 г. ленинского «чересчур “левого” плана» вооруженного восстания²⁹.

²⁵ За Ленинизм. С. 448.

²⁶ За Ленинизм. С. 453.

²⁷ Trotsky's Notebooks, 1933—1935. P. 139.

²⁸ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 314—315.

²⁹ Архив Троцкого. Т. 1. С. 126.

Выше говорилось об особом отношении Троцкого к Ленину. Оно ярко проявилось и в изучении идейных течений в большевистской партии в февральско-октябрьский период 1917 г. в «Уроках Октября», последующих работах. Перед Троцким возникала непростая проблема. Его анализ включал цепь тактических промахов Ленина. Более того, Октябрьский переворот предстал реальным воплощением троцкистской схемы. Эти моменты вызвали почти мгновенную реакцию оппонентов и послужили поводом к обвинению Троцкого в подмене ленинизма троцкизмом, возвеличивании собственной роли в революции и т.д. Однако ситуация оказалась сложнее. И в «Уроках Октября», и в книге «О Ленине» аналитический ум их автора отыскал компромисс между своим апологетически-восторженным отношением к вождю большевиков и критикой его ошибок.

Ленинские просчеты лета — осени 1917 г. Троцкий обосновывал тем, что главный идеолог и руководитель партии «осужден был тогда на эмигрантское положение»³⁰. Так он писал в 1924 г.; аналогичные оценки повторял в 30-е годы. В ответе критикам «Истории русской революции» Троцкий подчеркивал стремление показать и, как ему представлялось, неопровержимо доказал, что Ленин, «отрезанный своей нелегальностью от театра борьбы, слишком нетерпеливо стремился приблизить восстание, совершенно отрывая его от съезда советов». Троцкий же, опираясь на большинство ЦК, стремился максимально приблизить восстание к открытию съезда советов, прикрыть его авторитетом последнего³¹.

Против подобной аргументации антитроцкисты приводили самый серьезный в их понимании довод: именно партия и Ленин разработали и руководили вооруженным восстанием, совершившимся в противовес троцкистским авантюрам. Однако подтвердить свою точку зрения фактами они не смогли. Поэтому в их арсенале оставались два средства: замалчивание и фальсификация. Первое использовалось активно. Троцкий-историк практически всю вторую половину 20—30-х годов употребил на разоблачение сталинской школы фальсификаций³². Важнейшей проблемой он считал выяснение истинной роли руководящих органов Октябрьского переворота.

В противовес так называемому «партийному центру», объявленному в 1924 г. сердцем восстания, Троцкий перенес центр тяжести на Петроградский совет. Ведущую мысль исследования истории событий октября 1917 г. он сформулировал в следующих словах: «Октябрьский переворот, низвергший правительство, во главе которого стоял Керенский, был проведен Военно-Революционным комитетом...»³³. План восстания в «Уроках Октября» трактовался как продолжение и углубление методов двоевластия.

В историографическом смысле важнейшим положением троцкистской концепции Октябрьского переворота явилось утверждение о совпадении его начала с датой организации ВРК. Как указывал Троцкий, Ленин, находившийся

³⁰ Архив Троцкого. Т. 1.

³¹ Бюллетень оппозиции. 1933. № 35. С. 21.

³² В 1932 г. в Берлине вышла книга Троцкого «Сталинская школа фальсификаций», где он впервые суммировал искажения и извращения истории революции 1917 г., содержащиеся, по его мнению, в официальной историографии.

³³ TP, bMS Russ. 13.1. (10010).

вне Петрограда, не оценил подготовительных мероприятий ВРК, которые уже означали «вооруженное восстание, — вооруженное, хотя и бескровное восстание петроградских полков против Временного правительства под руководством Военно-Революционного комитета и под лозунгом подготовки к защите второго Съезда советов...»³⁴. Что касается замалчивания, то запрет был наложен на все документы, не подтверждавшие официальной трактовки событий.

Таким образом, исследования Троцкого по истории революций 1917 г. заметно расширили диапазон методов и приемов анализа и, что наиболее ценно, вели к постановке сложных и неоднозначных проблем. В пылу борьбы с троцкизмом научная сторона работ Троцкого оказалась невостребованной. Что касается самого автора, для него они стали ступенью к осмыслению еще более дискуссионных и актуальных сюжетов о российской революции.

Поражение левой оппозиции и высылка Троцкого из СССР в 1929 г. вынудили его сосредоточиться на подготовке книг и других печатных материалов. Вынудили, потому что требовались средства для жизни и, конечно, возникла необходимость найти причину тотальных неудач, преследовавших оппозицию с 1923 г.

Источник зла Троцкий увидел в росте советской бюрократии. Эту проблему он впервые попытался обобщить в 1923—1924 гг. в ходе дискуссии о новом курсе. Но в тот период ему казалось, что опасность бюрократизма вполне преодолима и не затронула основ государства. Сказанное не означает, что до Троцкого об опасности бюрократизации не говорили. Напротив, о ней писали много. Но Троцкий перенес центр тяжести с бюрократии в государственных учреждениях на бюрократию в партии и ее эпицентр — партийный аппарат. Суть партийной бюрократии он попытался проанализировать в историческом и историко-философском аспектах. Причем в своих наблюдениях Троцкий пошел во многих случаях дальше своих современников.

Прежде всего он не сводил бюрократизм к проблеме личностей и, что еще важнее, не замыкал его в простые, чисто логические конструкции. В записных книжках Троцкого имеются строчки, показывающие понимание им многомерности проблемы.

Вот это место:

«Ленин создал аппарат

Аппарат создал Сталина

$a=a$ есть только частный случай закона

$a \neq a$ »

Отсюда он делает вывод: «Логика формальная имеет дело с неподвижными величинами: $a=a$. Диалектика возражает: $a \neq a$. Обе правы.

$A=a$ в каждый данный момент. $A \neq a$ в два разных момента»³⁵.

Подобный взгляд характерен при изучении Троцким бюрократии. Под тем же углом зрения его интересовала эволюция государства и государственных институтов, политика СССР и его лидеры. В целом повышенное внимание к личности являлось одной из черт Троцкого-историка. Его главные исторические работы включали как обязательный элемент портреты участников событий. Многочисленные

³⁴ За Ленинизм. С. 469.

³⁵ Trotsky's Notebooks, 1933—1935. P. 129.

архивные источники показывают, что Троцкий начинал разработку исследовательской проблемы с эскизов о людях. Среди подготовленных материалов к ненаписанной книге о Ленине, биографии Сталина, других незаконченных произведений таких работ немало. О том же говорят письма Троцкого, его просьбы присылать ему необходимые документы³⁶. Эта манера резко контрастировала с набравшей силу на протяжении 20—30-х годов тенденцией советской историографии изучать не людей, их судьбы, а безликие исторические процессы. Эра борьбы с «врагами народа» еще более обезлюдил историю.

Троцкому, в большинстве случаев, удавалось нащупать баланс между человеком — субъектом исторического действия и самим действием. Все сказанное относится и к его анализу бюрократии. Самой крупной работой в данном направлении стала книга «Преданная революция» (1936 г.). Как некоторые другие издания Троцкого 30-х годов, она первоначально вышла не на русском языке. В отличие от предшествующих публикаций, посвященных большей частью сталинскому террору, в «Преданной революции» Троцкий попытался отрешиться от эмоций и представить спокойные, взвешенные размышления о том, что такое СССР и куда он идет. Сегодняшнему читателю многие выводы и подходы автора покажутся спорными, неточными. Однако как историческое исследование «Преданная революция» не потеряло своего значения.

Схема, положенная в основу книги, достаточно традиционна для марксистских работ: связать в единый узел экономические, социальные и политические составляющие исторического феномена советской бюрократии. В методологическом отношении «Преданная революция» построена по формуле, описанной выше — $a \neq a$. Троцкий не считал бюрократию первородным грехом большевизма. Наоборот, рождение и укрепление бюрократии он определял как процесс разложения и конца большевистской партии. ВКП (б) для Троцкого с конца 20-х — начала 30-х годов перестала быть коммунистической партией.

«Перерождение партии, — подчеркивал он, — стало и причиной, и следствием бюрократизации государства»³⁷. Непростой исторический вопрос, который поставлен в «Преданной революции», формулируется следующим образом: как победила группа партийных функционеров, «не умевшая будто бы далеко заглядывать вперед, тогда как более проницательная группировка (левая оппозиция. — А. О.) терпела поражение за поражением. Те же мотивы имели значение для Троцкого и в личностном плане: почему победил Сталин?

В изучении этой проблемы он сразу отбрасывал как второстепенный фактор личных возможностей лидеров. «Столь обычный (и столь наивный) вопрос “Почему Троцкий не использовал своевременно военный аппарат против Сталина?” — резюмировал бывший председатель Реввоенсовета, — ярче всего свидетельствует о нежелании или неумении продумать общие исторические причины победы советской бюрократии»³⁸. Он проводил аналогию с другим периодом отечественной истории — революцией 1917 г. Здесь Троцкий вновь подчеркивал, что победу большевиков обеспечило не личное превосходство их лидеров,

³⁶ TP, BMS Russ. 13.1. (13274).

³⁷ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1990. С. 81.

³⁸ Бюллетень оппозиции. 1935. № 46. С. 2.

а новое сочетание социальных сил. Теми же причинами (иным сочетанием сил и условий) он объяснял и поражение оппозиции. «Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции», — таков образный итог многолетних исследований советского Термидора — теории перерождения революции.

Историческая ретроспектива, выведенная в «Преданной революции», вновь напоминает о двойственности анализа Троцкого. В нем по-прежнему чувствуется отпечаток старой социал-демократической традиции. С другой стороны, оставаясь большевиком-ленинцем, Троцкий призывал следовать за методологией Ленина. Так, высказываясь по поводу ленинской книги «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», он в 1932 г. специально отметил: «В книге Ленина нет ни одной формулы, от которой нам приходилось бы отказываться»³⁹. И одновременно через систему аргументов Троцкий фактически отказывался от некоторых центральных идей «Детской болезни».

Прежде всего логикой изложения он отрицал вывод Ленина о большевизме как течении политической мысли и партии с 1903 г. Троцкий писал о большевистской фракции, причем непримиримость большевизма к инакомыслию он объявил мифом эпохи упадка, т.е. сталинской эпохи. Данный методологический подход, несомненно, оказался более историчным, чем ленинская конструкция, выделявшая в виде критерия врагов, «в борьбе с которыми вырос, окреп и закалялся большевизм»⁴⁰.

Троцкий-теоретик в вопросе о свободе фракций и в конце 30-х годов остался верен прежним идеалам, фактически повторив в «Преданной революции» формулу 1923 г. из заявления 46 о вынужденности установления «режима фракционной диктатуры», иными словами запрещения фракций после X съезда РКП (б)⁴¹. В 1936 г. Троцкий развил прежний тезис, заявив о солидарности Ленина с планами оппозиции возродить демократические институты в партии, т.е. версию, выдвинутую им в предшествующих работах.

В «Преданной революции» Троцкий отметил, что второй удар, а затем смерть не дали Ленину «померяться силами с внутренней реакцией»⁴². В развитии темы «Ленин против бюрократии» особое значение приобрело исследование Троцким исторической роли и места террора и репрессий. Его работы по указанной проблематике до настоящего времени являются одними из наиболее авторитетных исследований природы и сути сталинских репрессий. Понятно, что логика Троцкого, оценки, выводы интересны не только сами по себе. Они принадлежат бывшему второму человеку в партии и государстве и в этой части не идут ни в какое сравнение с амбициозными книгами Бажанова, Агабекова и им подобным «источникам».

В волне массовых арестов и казней Троцкий увидел способ самосохранения бюрократии. Как говорилось выше, он не был противником террора и насилия вообще.

Более того. Даже находясь за рубежом, в 1929—1940 гг. Троцкий, судя по некоторым источникам его личного архива, не оставлял надежды вернуться в СССР и делал все от него зависящее в данном направлении.

³⁹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 32. С. 28.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14—22.

⁴¹ Архив Троцкого. Т. 1. С. 84.

⁴² Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 83.

Здесь мы выходим за рамки проблем идейно-теоретического наследия Троцкого, а потому только выделим некоторые специфические черты сложного комплекса вопросов нелегальной деятельности оппозиции в нашей стране в 30-е годы. Известно, что именно Троцкий являлся одним из ее основных стимуляторов.

Остановимся на некоторых деталях подобной деятельности. Прежде всего, обратим внимание на особенность документов Троцкого по данным вопросам: отсутствие в их содержании специфических (нелегальных) и конфиденциальных моментов, связанных с его бывшей Родиной. Он сознательно (объективно), а в силу своего характера (субъективно) чаще обходит стороной разного рода нелегальщину из СССР и для СССР. Можно констатировать: с момента высылки (и даже чуть раньше) существовало четкое разделение ролей между Троцким, его сыном Львом Седовым, остальным окружением. Этот факт в отечественной и зарубежной историографии не выделяется четко, а он принципиально важен. Обширная часть семейной по форме переписки Льва Седова с матерью — на деле переписка с отцом. Таким образом, она уточняет и конкретизирует важные стороны работ самого Троцкого.

Другая проблема, которая хорошо описана в литературе, но которая порождает различные суждения, — провокации и провокаторы вокруг Троцкого. Дело в том, что очевидный факт — множество провокаторов и постоянные провокации советских органов госбезопасности против Троцкого — не снимает вопроса о его готовности поддаться на них, о поручении провокаторам секретных, нелегальных заданий.

Одним из главных направлений деятельности троцкистов в СССР до середины 30-х гг. было распространение нелегальной литературы. Она, по мысли Троцкого, указывала путь борьбы, направляла недовольство по определенному руслу. Одновременно содержащаяся в ней информация о многочисленных организациях оппозиции как бы подталкивала к их дальнейшему созданию и росту.

Как расходилась троцкистская литература? В начале 30-х годов спрос на нее был. Трудно оценить количество экземпляров, пересекавших границу, так как точных данных об этом нет. Но рассылка шла активно. Продвигать «Бюллетень» в Россию — это требование Троцкого, повторялось десятки раз в письмах того времени. С этой целью составлялись инструкции, задействовались различные каналы, в том числе — зарубежные троцкисты и сторонники в СССР, дипломатические работники. Так, один из лидеров чешских «большевиков-ленинцев» Сальфрис (кличка «Звон») сообщал Троцкому в апреле 1930 г.: «Получены листовки и № 10 Бюллетеня. Отправляем половину в Совроссию». В июне того же года вновь: «Посылаю в СССР 12 конвертов с материалами».

Пытался Троцкий повлиять и на своих бывших друзей, соратников, знакомых. Так, оценивая по достоинству недовольство Крупской сталинским режимом, он, редактируя письмо ссыльного оппозиционера (опубликовано в «Бюллетене оппозиции»), дает совет вдове Ленина, как следует выражать несогласие с властями. «Ужасно обидно, — пишет Троцкий, — что Крупская вмешивается в большую политику, не имея для этого необходимых данных. Как это близкие люди не посоветуют ей большей сдержанности...»⁴³. А чтобы «данные» имелись, Троцкий

⁴³ Hoover Institution Archive. Boris I. Nicolaevsky Collection. 344—13. Meloch. Письма из СССР. № 19.

и пытался снабжать всех потенциально недовольных оппозиционными материалами. В подтверждение сошлемся на список-сообщение о рассылке «Открытого письма» Троцкого 1932 г. против лишения последнего советского гражданства. Там названы имена Крупской, Сокольникова, Серебрякова⁴⁴.

К сожалению, в коллекции документов Троцкого очень немного источников о связях зарубежной коммунистической оппозиции с нелегальными организациями в СССР. Ясно, что такие документы не хранили. Ложь, провокации и фальсификации, нагроможденные следователями ГПУ и НКВД, извратили реальные факты. Реакцией историков явилось отрицание фальсификаций, а одновременно и самих фактов существования организаций оппозиции в первой половине 30-х годов. Лейтмотив перестроечной историографии о невинности жертв репрессий превратил оппозиционеров в лабораторных борцов-одиночек. Оно и понятно, ибо трудно представить сломленных и деморализованных «вождей» типа Зиновьева или Бухарина, собирающих новую группу для нелегальной борьбы с режимом.

Троцкий и его окружение понимали такую ситуацию. Капитуляция лидеров требовала новой ориентации. Объектом пристального внимания становились молодежь и средний и низовой уровень партаппарата.

Однако парадокс позиции Троцкого состоял в том, что, осуждая сталинский террор, отвергнутый лидер пролетарской революции призывал к историческому взгляду на подавление сопротивления противников. Поэтому небезынтересно перейти от раскрытия практических шагов троцкистов и их лидера, использовавшихся властями СССР для подтверждения правильности крайних мер в подавлении инакомыслия внутри страны, к теоретическим воззрениям Троцкого.

Террор, выполнивший свою революционную миссию, писал Троцкий в 1935 г., превратился в оружие самосохранения узурпаторов, в «абсурд»⁴⁵. Надо отметить внимание, с которым Троцкий относился ко всем свидетельствам о репрессиях в СССР, включая официальные материалы открытых процессов. В них он находил не только фальсификацию и мистификацию (или «амальгаму» — слово, обычно используемое Троцким), но считал одним из исторических документов.

Знания, которыми обладал бывший руководитель, оказывались много шире отразившихся в его книгах и статьях. Некоторые намеки в работах Троцкого, а также сопоставления их с другими документами, говорят о недосказанности ряда сюжетов. К примеру, версия смерти Ленина. Троцкий оказался наиболее авторитетным свидетелем и исследователем, который выдвинул версию об отравлении Ленина. У него были сомнения с обнародованием этой информации в начале 30-х годов⁴⁶. Тогда он не решился на такой шаг, вероятно, боясь провокаций сталинистов, с одной стороны, и возможности сохранить не скомпрометированными потенциальных союзников из зиновьевцев и правых оппозиционеров. Процессы 1935—1938 гг., особенно процесс 1938 г., изменили политическую ситуацию и заставили Троцкого обратиться к анализу недавнего прошлого. Он писал в 1939 г., что роль ядов в жизни сталинского Кремля ярко обнаружилась на процессе в

⁴⁴ TP, bMS Russ. 13.1. (12961).

⁴⁵ Бюллетень оппозиции. 1935. № 45. С. 4.

⁴⁶ Троцкий Л. Д. Сталин : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 255.

марте 1938 г.⁴⁷ В теоретическом аспекте Троцкий увидел в своей версии косвенное подтверждение тенденции самосохранения бюрократии.

Тематически анализ обстоятельств смерти Ленина оказывался связан с идеей блока Ленин — Троцкий, реальность которого вызывала сомнения современников и историков. Источником недоверия были противоречия в отношении Троцкого к демократии и свободе фракций. Многочисленными ссылками в работах на прошлое и настоящее большевистской партии он пытался опровергнуть неблагоприятное мнение части общества о Троцком — стороннике сверхцентрализации и бюрократе.

В системе его доказательств реальности идей блока главный упор делался на веру широких слоев членов партии в эпизодичность ограничений внутрипартийной демократии. Подтверждение справедливости подобных суждений он видел в наличии фракций и группировок за все годы существования революционной демократии. Современник описываемых событий и их историк-теоретик, Троцкий не мог не отметить противоположность режима внутренней жизни большевистской партии до и после ее прихода к власти.

Причину он выводил из бюрократизации, которая оказалась неизбежной из-за оставшейся на бумаге, чисто доктринальной идеи отмирания государства при социализме. Марксистский постулат об отмирании государства настолько ограничивал для Троцкого историческую методологию, что в угоду ему (постулату) он шел на нарушение фактологической последовательности.

Ликвидацию самостоятельности и демократических начал в деятельности советов, партий, общественных организаций Троцкий фиксировал в качестве первых шагов новой власти. Причем в противоположность официальной советской науке он настаивал на вынужденности подобной политики ограничений. Она, указывал Троцкий, противоречит духу советской демократии, являясь не принципом, а актом самообороны⁴⁸.

Здесь мы наблюдаем процесс эволюции взглядов Троцкого-обществоведа, хотя, по сути, на новом уровне он вернулся к прежним оценкам социал-демократической эпохи. Парадоксально, но решения партийного большинства в 1923—1927 гг., определившие левую оппозицию как социал-демократический уклон и меньшевизм, с формальной точки зрения оказываются обоснованными. Неминуемый доктринерский вопрос: можно ли вообще говорить о левизне, если она так близка к меньшевизму, вполне уместен и легко разрешим.

Став государственной партией (Троцкий хорошо показал этапы сращивания партаппарата с госструктурами), большевистское движение по целям, задачам, функциям перестало быть и социал-демократическим, и коммунистическим. Оно оказалось вынуждено, при сохранении прежней терминологии и ритуалов, проводить политику обеспечения интересов нового слоя руководителей (номенклатуры) за счет эксплуатации трудящихся. Ни о каком реальном равенстве и социальной справедливости говорить не приходилось. Изменение социальной базы нового слоя хозяев не меняло главного: основополагающие идеи социал-демократии

⁴⁷ ТР, ВМС Russ. 13.1. (8917).

⁴⁸ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 83.

(в том числе большевизма) оказывались слишком левыми. Партия, а следом остальные общественные институты, уверенно двинулись вправо.

Троцкий осознал необратимость подобных изменений в середине 30-х годов. В плане исторической концепции они отразились в его возврате к некоторым прежним ценностям социалистов эпохи II Интернационала. Но возврат к ним произошел у Троцкого на базе опыта, почерпнутого из истории перерождения социал-демократии и большевизма, а также опыта прямого участия в выработке политики первых пяти лет советской власти. Отсюда упомянутое выше нарушение фактологии. Противоречия собственному изложению событий, Троцкий в «Преданной революции» сделал вывод о ликвидации внутривластной демократии до того, как «отошла в прошлое демократия советов, профессиональных союзов, кооперативов, культурных и спортивных организаций»⁴⁹. Методология большевизма сохранилась еще в одном важном аспекте: демократия продолжала пониматься поверженным лидером оппозиции как ворота, тщательно охраняемые от посторонних⁵⁰.

Единственным противовесом бюрократии в теоретических построениях Троцкого оказывалась партия. Социологическая схема строилась по принципу управляющего слоя (бюрократия) и контролирующей инстанции (партия). Следовательно, в условиях сохранения государства решающей силой выступал субъективный фактор в лице той или иной фракции. Таким образом, анализ советской бюрократии, предпринятый Троцким, подвел его к мысли о значении фракции Сталина, «уничтожившей раздвоенность партии и аппарата государства, через превращение правящей партийной элиты в государственную».

Справедливости ради нужно сказать, что Троцкий пытался изучить роль бюрократии объективно-исторически. Он подчеркивал наличие прогрессивного периода в ее истории. Прогрессивный этап, по его мнению, совпал «с периодом перенесения важнейших элементов капиталистической техники в Советский Союз»⁵¹.

* * *

Подведем итоги. Идейно-теоретическое наследие Троцкого — необычайно объемный корпус книг, статей, документов, других материалов. Собранные воедино, они могли бы составить не один десяток томов. К сожалению, такая работа, начатая в 20-х годах, осталась незавершенной. Читатели так и не получили собрания сочинений Троцкого, которого с полным основанием можно отнести к главным теоретикам большевизма, который является его непризнанным классиком.

⁴⁹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 86.

⁵⁰ Бюллетень оппозиции. 1933. № 33. С. 29.

⁵¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 228.